

М.М. Сафонов

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПЕТРА III ВО ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ «ЗАПИСОК» ЕКАТЕРИНЫ II

Текст первой редакции «Записок» Екатерины II, созданный в первой половине 1770-х годов, неоднороден. Он теснейшим образом связан с политической борьбой и отразил в себе характерные особенности того момента, в который был создан. Текст состоит из трех частей. Они написаны в разное время. И, очевидно, мемуаристка, работая над каждой из этих трех частей, решала разные задачи, встававшие перед ней по мере того, как развивалась борьба вокруг совершеннолетия ее сына — наследника престола, великого князя Павла Петровича¹.

Первая часть, как явствует из пометки мемуаристки, была начата 21 апреля 1771 г. Она охватывает время от рождения Екатерины до ее свадьбы с великим князем Петром Федоровичем 21 августа 1745 г. и заканчивается описанием первой брачной ночи². Вторая часть содержит описание жизни Малого двора с момента заключения брака до поездки в Москву в декабре 1748 г.³ К сожалению, эта часть текста не имеет никаких признаков для точной ее датировки. В третьей части описывается жизнь Екатерины и Петра: вояж в Первопрестольную, начало переговоров об обмене Голштинии между датским посланником Р.-Ф. Линаром и канцлером А.П. Бестужевым осенью 1751 г.⁴ В тексте есть упоминание о свадьбе А.Н. Нарышкиной в 1749 г., с момента которой прошло 24 года⁵. Следовательно, третья часть написана не ранее 1773 г.

При внимательном чтении всех трех частей бросается в глаза нестыковка трактовки образа главных персонажей. Прежде всего, это касается Петра III. Когда Екатерина писала первую часть своих «Записок», главная задача, которая стояла перед ней как мемуаристкой, заключалась в том, чтобы посеять сомнения в законности происхождения ее сына Павла для того, чтобы отвергнуть его претензии на

соправительство. Посвящение первой части П.А. Брюс, наперсницы императрицы, которой можно доверить все, не опасаясь последствий, недвусмысленно свидетельствует: мемуаристка декларирует, что она будет рассказывать о самом сокровенном.

Вторая часть посвящена А.И. Черкасову, президенту Медицинской коллегии, относительно которого мемуаристка обязалась ежедневно извлекать хотя бы один взрыв смеха или спорить с ним с утра до вечера, чтобы доставить ему удовольствие. Во второй части описываются в основном преследования Малого двора со стороны императрицы Елизаветы Петровны и ее камарильи. Екатерина хотела этим сказать, что репрессии, которым подвергалась она сама и ее супруг, были настолько нелепы, что они ничего не могут вызвать у читателя, кроме взрывов смеха. Если в первой части обосновывалась мысль о том, что российский престол не должен быть наследован человеком, происхождение которого довольно темно, то часть вторая должна была убедить читателей: Екатерина никогда не стремилась к власти. Она была девственна и политически, ее преследовали не за какие-либо конкретные действия, прокладывающие путь к трону, а потому что власть придержавшие вели себя глупо и нелепо, совершая один за другим поступки, смеха достойные. Такая трактовка вполне ложилась в контекст борьбы, развернувшейся вокруг соправительства. Важно было показать, что Екатерина никогда ничего не делала, чтобы приблизиться к трону.

Часть третья не имеет посвящения. И это вряд ли случайно. Она представляет собой пасквиль на Петра III. Это тоже вполне объяснимо. Выиграв борьбу за трон с сыном Павлом, ставшим совершеннолетним, не допустив его до власти, Екатерина в 1773 г. изменила вектор собственных «откровений». Когда с претензиями сына ей удалось успешно справиться, она перенесла центр тяжести своих «разоблачений» на мужа. Теперь самое главное для нее состояло в том, чтобы показать, что он не был достоин трона как личность и политический деятель. Это стало лейтмотивом третьей части «Записок».

Вторая редакция создавалась в начале 1790 годов, когда ситуация изменилась коренным образом. Екатерина, стяжавшая титул Великой, была уже бабушкой. Вопрос о соправительстве с сыном давно уже был снят с повестки дня, и на первый план выдвинулась задача обосновать неизбежность своего прихода к власти. Для этого надо было прежде всего дискредитировать свергнутого с престола Петра. То, что было создано воображением Екатерины, когда она работала

над третьей частью первой редакции «Записок», теперь было положено в основу нового сочинения. Это было *material prima* второй редакции «Записок» Екатерины Великой. Весь негатив, изложенный еще в 1773 г., теперь, двадцать лет спустя, подвергся трансформации в плане усиления его выразительности. Но императрица, очевидно, перестаралась. Некоторые эпизоды, явно изобретенные в конце жизни Екатериной на седьмом десятке, не только выглядели неправдоподобно, но даже противоречили здравому смыслу. (Об этом подробно ниже). Видимо, мемуаристка настолько увлеклась дискредитацией покойного супруга, что даже не почувствовала, что хватила лишку⁶. Но главное, она сохранила первую редакцию, в которой в большинстве случаев были описаны те же самые эпизоды, но с меньшим накалом обличений. Сравнение же их, различно описанных в обеих редакциях, дает возможность установить, что было доделано и додумано Екатериной на закате дней, и благодаря этому вынести суждение о достоверности написанного императрицей как в начале 1770-х годов, так и незадолго перед смертью.

Совершенно невероятно, чтобы мемуаристка на седьмом десятке вдруг вспомнила мельчайшие детали, о которых она забыла в начале 1770-х годов. Она просто-напросто их выдумала. Причем если раньше многие обличения подавались как категорические суждения автора, голословные обличения, не подкрепленные конкретными фактами, то более зрелая мемуаристка прибегла к иному приему. Она насытила свой текст негативными «фактами», сталкиваясь с которыми читатель должен был самостоятельно сделать те заключения, которые она прежде декларировала. Историки попались на эту удочку. Заключительная редакция мемуаров стала для них собранием «бесценных» фактов, и на основании их биографы — от обстоятельного В.А. Бильбасова до примитивно поверхностного Е.В. Анисимова — вынесли Петру III беспощадный вердикт.

Екатерина II в отличие от современных исследователей прекрасно сознавала, что тезис о сомнительности происхождения Павла I дезавуирует легитимность ее обожаемого внука — великого князя Александра Павловича. “Monsieur Alexandre” не мог и не должен был быть сыном бастарда. Императрица мыслила государственными категориями: Российская империя, без согласия которой, как образно выразился ее статс-секретарь А.А. Безбородко, «ни одна пушка в Европе не смела выстрелить», не могла управляться потомками незаконнорожденного. Поэтому, когда она начала работать над второй редакцией

своих «Записок», любые намеки на сомнительность происхождения ее сына Павла Петровича не могли иметь место. Как раз наоборот, теперь мемуаристка стремилась во что бы то ни стало показать, что Екатерина Великая не могла произвести на свет бастарда, в каких бы сложных отношениях с мужем она ни была.

«Племянник мой — урод, черт его возьми»

Для того чтобы правильно понять заключительную редакцию мемуаров Екатерины II, их надо начинать читать с конца.

Вторая редакция начинается с Петра III и заканчивается упоминанием о нем. Мемуары завершаются рассказом о том, как Екатерина имела очень важную для ее дальнейшей судьбы встречу с Елизаветой Петровной в 1758 г. Мемуары обрываются на фразе о том, что императрица стала расспрашивать подробности об образе жизни великого князя. Из предыдущего изложения читатель должен уяснить, что «подробности», о которых могла рассказать Екатерина Елизавете Петровне, были крайне прискорбны для великого князя. Мемуаристке очень важно показать, что Петра осуждали чуть ли не все и что особенно важно — сама императрица, которой он вскоре должен наследовать. Осуждение наследника устами императрицы особенно важно. Оно было призвано подтолкнуть читателя к мысли о том, что наследовавший Елизавете Петровне Петр Федорович был не достоин быть государем. Это ясно сознавала самое императрица.

«На счет своего племянника, — писала Екатерина, — императрица была совершенно такого же мнения, что и я; она так хорошо его знала, что уже много лет не могла пробыть с ним нигде и четверти часа, чтобы не почувствовать отвращения, гнева или огорчения, и когда дело его касалось, она в своей комнате не иначе говорила о нем, как заливаясь горькими слезами над несчастьем иметь такого наследника, или же проявляя к нему такое презрение и часто называя его именами, которых он более чем заслуживал. Доказательства этому были у меня в руках, так как я нашла между ее бумагами две собственноручные записки императрицы, не знаю, к кому именно, но из которых одна, по-видимому, адресована была Ивану Шувалову, а другая графу Разумовскому, где она проклинала своего племянника, посылая его к чёрту. В одной из них было такое выражение: “Проклятый мой племянник сегодня мне так досадил, как нельзя более”; а в другой она говорила: “Племянник мой урод, черт его возьми”»⁷.

Итак, в глазах государыни ее «проклятый» наследник — «урод». А Екатерина, свергнувшая потом этого урода с престола? Екатерина, разумеется, не в пример мужу, умна. Да еще как умна! На заключительных страницах своего сочинения дает Екатерина себе такую характеристику.

Она была с рождения «одарена очень большой чувствительностью и внешностью, по меньшей мере очень интересною, которая без помощи искусственных средств и прикрас нравилась с первого взгляда; ум мой по природе был настолько примирительного свойства, что никогда никто не мог пробыть со мною и четверть часа, чтобы не почувствовать себя в разговоре непринужденным и не беседовать со мною так, как будто он уже давно со мною знаком. [Как помним, Елизавета не могла пробыть с Петром и четверти часа, «чтобы не почувствовать отвращения». Напротив, с Екатериной четверти часа достаточно, чтобы все, в том числе и императрица, почувствовали симпатию к ней.] По природе снисходительная, я без труда привлекала к себе доверие всех имевших со мною дело, потому что всякий чувствовал, что побуждениями, которыми я охотнее всего следовала, была самая строгая честность и добрая воля. Я осмелюсь утверждать относительно себя, есть ли только мне будет позволено употребить это выражение, что я была честным и благородным рыцарем, с умом несравненно более мужским, нежели женским; но в то же время внешним образом я ничем не походила на мужчину; в соединении с мужским умом и характером во мне находили все приятные качества женщины, достойной любви; да простят мне это выражение, во имя искренности признания, к которому побуждает меня мое самолюбие, не прикрываясь ложной скромностью. Впрочем, это сочинение должно само по себе доказать, что я говорю о своем уме, сердце и характере».

На последних страницах мемуаров приводится такой пассаж. Племянница духовника Елизаветы Петровны служила у Екатерины горничной. С ее слов великая княгиня узнала, «что императрица сказала о своем племяннике, что он дурак, но что великая княгиня очень умна. Эти слова дошли до меня с нескольких сторон и [говорили], что ее императорское величество то и дело хвалит своим близким мои способности, прибавляя часто: “Она любит правду и справедливость; это очень умная женщина, но мой племянник дурак”»⁸.

Итак, Петр III — «дурак», Екатерина II — «умная». Но не просто умная, «это очень умная женщина». Это засвидетельствовано самой императрицей Елизаветой! Эта система координат, заданная теперь

мемуаристкой, объясняет все метаморфозы, которые произошли с главными персонажами «Записок» Екатерины II в заключительной редакции.

При этом надо иметь в виду, что Французская революция, потрясшая престолы европейских монархий, сделала невозможным изображать монарха деспотом. Поэтому отталкивающий образ Елизаветы, самодержавного самодура, трансформировался в очаровательный образ обаятельной женщины, дочери Петра Великого, вызывающий у читателя несомненные симпатии. Этого требовали интересы сохранения и укрепления абсолютизма. Разоблачать коронованное лицо теперь нельзя, сработает на революцию. Но как же быть с Петром III? Его же свергли, и это свержение должно быть обосновано. Мемуаристка нашла выход в том, чтобы превратить Петра из недотепы и карикатурной личности в полного идиота, низвержение которого не только выглядело вполне естественно. Но просто не могло не произойти.

Такой расклад повлек за собой переоценку всей системы взаимодействия персонажей, новую акцентировку личных характеристик каждого из них.

Повторимся: Петр III — «дурак», Екатерина II — «умная». Эти слова можно было бы поставить эпиграфом ко второй редакции мемуаров. Но Екатерина выбрала другой эпиграф.

«Счастье не так слепо, как его себе представляют. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпой и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения».

При этом личные качества и характер императрица ставила на первое место, а поведение на второе.

Из этого эпиграфа следовало, что мемуаристка более всего должна была уделить внимание в своем сочинении описанию личных качеств и характеров главных персонажей. Нет никакого сомнения, что главный герой ее мемуаров — она самое. Хотя, судя по композиции, на первый план выдвинут ее муж — Петр III. Несомненно, это авторский прием мемуаристки. Она «играет» на контрастах. Чем непригляднее выглядит Петр Федорович, тем выигрышней смотрится его полная противоположность Екатерина Алексеевна. Жена «дурака», «очень умная женщина». При таком раскладе роль, которая отводится Елиза-

вете Петровне, существеннейшим образом отличается от отведенной ей автором в первой редакции. Поскольку именно ее устами признается, что Петр — «дурак», а Екатерина «умная», императрица должна представлять перед читателем в весьма импозантном виде. Чтобы ее исторические «свидетельства», скорее всего выдуманные мемуаристкой (не странно ли, что Екатерина не сохранила записок императрицы с ругательствами в адрес племянника, хотя такие документы были бы козырем в руках сместившей мужа с престола жены), звучали весомо и весьма авторитетно, необходимо было представить Елизавету как разумную и справедливую правительницу, а не капризного самодура. Надо было показать, что Елизавета с большой симпатией относилась к невестке и весьма высоко ценила ее нравственные и душевные качества. Напротив, племянника она должна была ни во что не ставить, презирать и даже ненавидеть. Именно так перо мемуаристки представило главных персонажей во второй редакции.

Первоначально она, следуя эпиграфу, задумала в буквальном смысле слова противопоставить Петра и Екатерину даже графически. Мемуаристка разделила лист на две части. Левую она озаглавила «Петр III», а правую «Екатерина II»⁹. Видимо, первоначально она собиралась следовать этому плану. Начальные страницы рукописи рассказывают историю Петра III самого рождения до объявления его наследником Елизаветы. В этой истории на первый план выдвинута убогость Петра как личности, при этом тщательно подчеркивается его немецкое происхождение, чуждость интересам России. Что касается самой Екатерины, то она первоначально выступает в качестве исторического свидетеля, представляющего читателю сведения об убогости этого голштинского принца.

Что касается самой мемуаристки, то она ничего не рассказывает о своем происхождении (тоже, кстати сказать, вовсе не русском, а немецком), родителях, об обстоятельствах детства. Как остроумно заметила О.Е. Корнилович, словно она родилась после приезда в Россию¹⁰. Добавим к этому, что мемуаристка даже не упоминает о своем настоящем имени. Рассказывая о жизни Петра в 1744 г., мемуаристка как бы невзначай заметила: «В этом именно году Екатерина II прибыла со своей матерью 9 февраля в Москву»¹¹. Будто немецкая принцесса уже тогда в момент прибытия была уже Екатериной II. Впрочем, внимательный читатель из предыдущего текста мог бы сделать заключение о немецких корнях Екатерины II. Мемуаристка, видимо, не заметила этого «разоблачительного» фрагмента и, желая как можно сильнее

очернить мужа, написала: «Я увидела Петра III в первый раз, когда ему было одиннадцать лет, в Эйтине у его опекуна, принца-епископа Любекского. Через несколько месяцев после кончины герцога Карла-Фридриха, его отца, принц-епископ собрал у себя в Эйтине в 1739 г. всю семью, чтобы ввести в нее своего питомца. Моя бабушка, мать принца-епископа, ее мать, сестра того же принца, приехали туда из Гамбурга»¹².

Из этих показаний свидетеля нетрудно было заключить, что Екатерина II, прибывшая в Москву в 1744 г., принадлежала к той же немецкой семье, из которой происходил и осуждаемый ей голштинский принц, ставший потом ее мужем.

Вводя себя в повествование о Петре III в качестве исторического свидетеля, очевидца, мемуаристка постепенно увлеклась рассказом о себе, так что отдельной главы «Екатерина II» не получилось. И постепенно она отказалась от первоначального замысла и «съехала» на проторенную дорожку, по которой идут почти все мемуаристы, да и она сама шла по ней, работая над первой редакцией.

Образ Петра напоминает скорее карикатуру, нежели реального человека. Этот «дурак» — «урод» и был им с самого своего появления на свет, ибо обстоятельство его рождения таковы, что никаким другим он и не мог быть.

В отличие от первой редакции, Екатерина подробно остановилась на обстоятельствах рождения, детства и воспитания Петра III. Она сочла необходимым представить, так сказать, истоки этого «уродства» своего супруга, физического и умственного.

«La mere...mourut...de phtisie...père ...était un prince faible, laid, petit, malingre et pauvre»¹³

«Мать Петра III, дочь Петра, скончалась приблизительно месяца через два после того, как произвела его на свет, от чахотки в городе Киле, в Голштинии, с горя, что ей пришлось там жить, да еще в таком неудачном замужестве». Отец Петра III «был принц слабый, неказистый, малорослый, хилый и бедный»¹⁴.

Кто же мог родиться от таких родителей?

Природные задатки были усугублены неверным воспитанием и дурным обращением с ребенком, рано оставшимся сиротой.

И рождение, и воспитание связывали Петра со Швецией. Его отец — Карл Фридрих Голштинский — был племянником шведского

короля Карла XII. Отец умер в 1739 г. и оставил сына под опекой своего двоюродного брата Адольфа Фридриха, епископа Любекского, герцога Голштинского. Впоследствии он стал королем Швеции. Воспитанием Петра руководил обер-гофмаршал О. Брюммер. Он тоже был шведом. Из четырех камергеров двое — Адлерфельдт и Вахтмейстер — также были шведами, а двое других — Вольф и Мардельфельд — голштинцами. Естественно, Петра воспитывали «в виду шведского престола». Несколько дворцовых группировок боролись при Голштинском дворе, чтобы овладеть умом принца. Они старались посеять ненависть в уме Петра к своим соперникам. Поэтому он проникся отвращением к тем и другим. Особенно он презирал Ф.В. Берхгольца, который был «угодником» Брюммера. Петр «не любил никого из своих приближенных». Они его стесняли. Единственным исключением был швед Румберг, бывший драгун Карла XII, грубый и жестокий. Этот человек был ему особенно дорог. Да пожалуй, еще ливонец Крамер. Оба они являлись старыми камердинерами. Брюммер и Берхгольц были преданны принцу-опекуну, правителю Голштинии.

«Все были недовольны» Петром и его окружением. Враги Брюммера и Берхгольца канцлер А.П. Бестужев и Н.И. Панин, бывший русским посланником в Стокгольме, утверждали, что у них были в руках доказательства того, что Брюммер с тех пор, как увидел, что императрица решила объявить Петра своим наследником, «приложил столько же старания испортить ум и сердце своего воспитанника, сколько заботился раньше сделать его достойным шведской короны»¹⁵. Мемуаристка отметила, что она никогда не верила этой «гнусности». Тем не менее она нашла нужным упомянуть об этом, чтобы читатель допустил, что так могло быть. Воспитание ее будущего мужа «оказалось неудачным по стечению случайных обстоятельств».

Нет ничего удивительного в том, что «с десятилетнего возраста Петр III обнаружил склонность к пьянству»¹⁶. Воспитанием Петра руководил обер-гофмаршал швед О. Брюммер. Из четырех камергеров его двора двое также являлись шведами, а двое других — голштинцами. Петра воспитывали «в виду шведского престола». Несколько дворцовых группировок боролись при Голштинском дворе, чтобы овладеть умом принца. Они старались посеять ненависть в уме Петра к своим соперникам. Поэтому он проникся отвращением к тем и другим. Петр «не любил никого из своих приближенных». Они его стесняли. Единственным исключением был швед Румберг,

бывший драгун Карла XII, грубый и жестокий. Этот человек был ему особенно дорог. Да, пожалуй, еще ливонец Крамер. Оба они являлись старыми камердинерами. Брюммер и Ф.-В. Берхгольц были преданы принцу опекуну, правителю Голштинии. «Все были довольны» Петром и его окружением. Враги Брюммера и Берхгольца канцлер А.П. Бестужев и Н.И. Панин, бывший русским посланником в Стокгольме, утверждали, что у них были в руках доказательства того, что Брюммер с тех пор, как увидел, что императрица Елизавета решила объявить Петра своим наследником, «приложил столько же старания испортить ум и сердце своего воспитанника, сколько заботился раньше сделать его достойным шведской короны»¹⁷. Мемуаристка отметила, что она никогда не верила этой «гнусности». Воспитание ее будущего мужа «оказалось неудачным по стечению случайных обстоятельств».

В первой редакции мемуаристка упоминала, что за Петром уже тогда «замечали наклонность к вину и большую раздражительность из-за всего, что его стесняло», но при этом она отмечала, что ее будущий супруг «казался благовоспитанным и остроумным»¹⁸.

Нетрудно заметить, что «наклонность к вину» трансформировалась в позднем тексте во фразу «препятствовали ему напиваться за столом». Благовоспитанность и остроумие исчезли без следа. Их заменили вспыльчивость и упрямство, фальшь в манере держаться и в характере. К ним добавилось еще слабое и хилое телосложение. Прямо скажем, далеко не самый лучший портрет для одиннадцатилетнего герцога! Даже трудно поверить, что эта же самая рука мемуаристки почти за сорок лет до этого так описал первую встречу с будущим мужем: «Я там впервые увидела великого князя, который действительно был красив, любезен, хорошо воспитан. Словом, чудеса рассказывали об этом одиннадцатилетнем ребенке»¹⁹.

Во что именно трансформировались эти «чудеса» в последней редакции, мы уже видели. Без преувеличения можно констатировать: то, как Екатерина обращается с фактами, действительно представляет собой настоящие «чудеса». Таким образом, первое же сравнение описания одного и того же эпизода в разных редакциях демонстрирует, насколько можно доверять тому, что Екатерина считала нужным сообщить потомкам о своем муже.

В исходную характеристику Петра III мемуаристка сочла необходимым сразу же ввести одну важную черту, которая делала его неприемлемым для занятия престола православного государства.

Не случайно об этом рассказывалось в абзаце, который Екатерина на полях обозначила как «Петр III объявлен наследником Елизаветы». Он не только по рождению своему принадлежал к иной религиозной конгрегации, но вообще в силу особенностей своего характера был нетерпим к любой религии, тем более православной.

«Этот принц был крещен и воспитан по лютеранскому обряду, самому суровому и наименее терпимому, так как с детства он всегда был неподатлив для всякого назидания («il avait été toujours revêche à toute instruction»²⁰). Его приближенные рассказывали, что «в Киле стоило величайшего труда посылать его в церковь по воскресеньям и праздникам и побуждать его к исполнению обрядностей, какие от него требовали, и что он большей частью проявлял неверие». Он спорил со своим православным законоучителем «относительно каждого пункта». Нередко призывались его приближенные «прервать схватку и умерить пыл, какой в нее вносили; наконец с большой горечью он покорялся тому, чего желала императрица, его тетка, хотя он и не раз давал почувствовать, по убеждению ли, по привычке ли или из духа противоречия, что предпочел бы уехать в Швецию, чем оставаться в России»²¹.

В первой редакции говорилось о том, что Петр ненавидел православные религиозные обряды. Об этом нарочито сообщалось от имени мемуаристки. Во второй редакции мемуаристка применяет иной прием, с ее точки зрения более действенный. Она решила не просто сообщить читателю, как она делала ранее, что будущий православный государь был самым настоящим безбожником, а показать, как в реальной жизни проявлялось его безбожие. При этом Екатерина стремится подчеркнуть, что она-то в противоположность мужу в этих вопросах ведет себя образцово. Более того, ее преданность православным обычаям навлекает на нее гнев ее безбожного мужа.

«На первой неделе Великого поста у меня была очень странная сцена с великим князем, — писала Екатерина о событиях зимы 1745 г. — Утром, когда я была в своей комнате со своими женщинами, которые все были очень набожны и слушали утреню, которую служили у меня в передней, ко мне явилось посольство от великого князя; он прислал мне своего карлу с поручением спросить у меня, как мое здоровье, и сказал, что в виду поста он не придет в этот день ко мне. Карла застал нас всех слушающими молитвы и точно исполняющими предписания поста, по нашем обряду. Я ответила великому князю через карлу обычным приветствием. И он ушел. Карла,

вернувшись в комнату своего хозяина, потому ли, что он действительно проникся уважением к тому, что он видел, или потому, что он хотел посоветовать своему дорогому владыке и хозяину, который был менее всего набожен, делать то же, или просто по легкомыслию, стал расхваливать набожность, царившую у меня в комнатах, и этим вызвал в нем дурное против меня расположение духа. В первый раз, как я увидела великого князя, он начал с того, что надулся на меня; когда я спросила, какая тому причина, он стал очень бранить за излишнюю набожность, в которую, по его мнению, я впала. Я спросила, кто это ему сказал. Тогда он мне назвал своего карлу, как свидетеля-очевидца. Я сказала ему, что не делала больше того, что требовалось и чему все подчинялись. И от чего нельзя было уклониться без скандала; но он был противного мнения. Этот спор кончился, как и большинство споров кончаются, т. е. тем, что каждый остался при своем мнении, и его императорское высочество, не имея за обедней никого другого, с кем бы поговорить, кроме меня, понемногу перестал на меня дуться»²².

Во вторую редакцию введен эпизод, рассказывающий о столкновениях с мужем на религиозной почве во время Великого поста 1746 г., когда Петр был уже мужем Екатерины. В первую неделю великого поста Елизавета велела передать Екатерине, что она доставила бы ей удовольствие, если бы будет продолжать поститься и во вторую неделю. Великая княгиня попросила разрешения поститься весь пост. Эта просьба доставила большое удовольствие Елизавете. Но когда Петр узнал об этом, он обрушился на супругу с бранью, несмотря на то что она ему объяснила, что не может поступить иначе²³.

Какое различие характеров! Екатерина поступает как правоверная православная и заслуживает одобрение императрицы, Петр ведет себя как варвар. Нет ничего удивительного, что императрица им постоянно недовольна.

Вводя в текст второй редакции эти сцены, мемуаристка убивает сразу двоих зайцев: позиционирует себя чуть ли не как страстотерпца и обличает мужа — источника ее страданий.

Таким «нехристом» наследник Елизаветы стал в силу своего характера и недостаточного воспитания. Оно же было следствием того, что Петр никакому воспитанию не поддавался. Тема страданий, которые приходилось переносить Екатерине вследствие ужасного характера ее мужа, является важнейшей составляющей его портрета. Если в первой редакции мемуаристка декларировала безбожие великого князя, то

теперь она решила насытить текст описаниями того, как оно проявлялось в обыденной жизни и насколько бедной супруге, правоверной православной, приходилось отчаянно страдать от этого. Вводя в новый текст очевидно сочиненные сцены, Екатерина добивалась тройного эффекта. Она показывала, что с точки зрения отправления религиозных обрядов была безукоризненна. Петр же их не только не соблюдал, но тиранил жену за то, что она их соблюдает. Этим подчеркивался выгодный для мемуаристки контраст между супругами в религиозной сфере, и в то же время Петр Федорович подавался как тиран, а Екатерина — как жертва.

**«C'étaient des vrais jeux d'enfant et un enfantillage contunuel;
en general il était très enfant»**

Воспитывали Петра весьма посредственные учителя. Самым усердным из них был учитель танцев. Следствием такого воспитания было то, что «в своих внутренних покоях великий князь в ту пору только и занимался тем, что устраивал военные учения с кучкой людей, данных ему для комнатных услуг; он то раздавал им чины и отличия, то лишал их всего, смотря по тому, как вздумается. Это были настоящие детские игры и постоянное ребячество; вообще он был еще очень ребячлив, хотя ему минуло шестнадцать лет в 1744 году»²⁴. («Dans son appartement intérieur le Grand Duc" alors ne s'occupait d'autre chose que de faire l'exercice militaire à une couple de domestiques, qui lui avait été donnés pour le service de sa chambre; il leur donnait des grades et des rangs et les degraderait selon sa fantaisie. C'étaient des vrais jeux d'enfant et un enfantillage contunuel; en général il était très enfant encore, qiuque'il eut seize ans l'année 1744»²⁵.

Занятия Петра с «комнатной гвардией» квалифицируются так же, как и в первой редакции: «детские игры», «постоянное ребячество». Но если ранее Екатерина как-то раскрывала эти понятия — обучал военному делу своих камердинеров, лакеев, карлов, упражнял их и муштровал,²⁶ то теперь она исключила из своего описания какие либо упоминания о физических упражнениях, сведя «l'exercice militaire» к детской игре с парой слуг в раздачу званий и должностей. Конечно же, теперь она не считала нужным сказать о том, что сама принимала участие в экзерцициях «комнатной гвардии» и даже имела военный чин. Разумеется, никакого участия в таких детских играх Петра она принимать не могла.

«Mourir de jalousie sans aucun profit pour personne»²⁷
«Умереть от ревности безо всякой
для кого бы то ни было пользы»²⁸

Рассказывая о своем приезде в Россию и первом общении с Петром в Москве, Екатерина, как и ранее, не отрицала, что великий князь был рад ее появлению. Правда, сообщение об этом мемуаристка начала словом, «казалось», что должно было подготовить читателя к последующему опровержению этого тезиса. И действительно, несколькими строками ниже Екатерина дезавуировала собственное утверждение. Мемуаристка сообщила: первые десять дней Петр был очень занят ею. Это близкое общение открыло глаза Екатерине на ее жениха: «Он не очень ценит народ, над которым ему суждено царствовать, что он держится лютеранства, не любит своих приближенных и очень ребячлив»²⁹.

В этой формуле были воплощены чуть ли не все основные обвинения, которые потом были оглашены в обстоятельном манифесте 6 июля 1762 г., обосновывавшем свержение Петра с престола и воцарение самой Екатерины³⁰. В этом «разоблачительном» документе упоминалось еще о неприязни свергнутого императора к своей жене Екатерине. Мемуаристка учла и это и ловко дала понять доверчивому читателю, в чем заключались истоки этой неприязни. По ее словам, завоевав доверие жениха тем, что слушала его, не возражая, она услышала от него и такое признание: «Он мне сказал, между прочим, что ему больше всего нравится во мне то, что я его троюродная сестра и что в качестве родственника он может говорить со мною по душе, после чего сказал, что влюблен в одну из фрейлин императрицы, которая была удалена тогда от двора ввиду несчастья ее матери, некой Лопухиной, сосланной в Сибирь. <...> Но что он покорился необходимости жениться на мне, потому что его тетка того желает. Я слушала, краснея, эти родственные разговоры, благодаря его за скорое доверие, но в глубине души я взирала с изумлением на его неразумение и недостаток суждения о многих вещах».

Разумеется, таких глупостей, демонстрирующих его полное убожество, Петр не произносит в ранней редакции. Это новое «изобретение» Екатерины Великой. Но помимо демонстрации умственной ограниченности Петра этот пассаж являлся ключом, который давал возможность понять причину того, почему брак с великим князем оказался таким несчастливый.

**«Je me trouvais moi-même laid à fair peur,
et je ne pouvais pas retrouver ma physionomie»
«Я сама находила, что страшна, как пугало,
и не могла узнать себя»**

Во время болезни Екатерины Петр, когда ей стало лучше, приходил проводить вечера в комнаты матери невесты, но с наступлением весны он прекратил ежедневные посещения, предпочитая прогулки и охоту. Однако когда жених появлялся, «снова продолжались его ребяческие откровения» с невестой в том же духе³¹. Отметим, в первой редакции, ничего не говорится о том, что с наступлением весны 1744 г. Петр почти перестал посещать невесту. Напротив, упоминается, что в то время, когда Екатерина болела, Петр «проявил большое внимание к ней», продолжал к ней относиться так же, когда она поправилась, по-видимому, она ему нравилась³². Более того, упоминается, что Петр говорил с невестой «подолгу» («longtems»)³³. Содержание этих бесед не доставляло удовольствия Екатерине, тем не менее сам факт продолжительного общения с женихом она зафиксировала.

Более того, в первой редакции приводятся много примеров, свидетельствующих не о равнодушии жениха, а как раз наоборот: о его соучастии в ее жизни, заинтересованности в устройстве ее судьбы. Он, как и Елизавета, пожелал, что бы о догматах православной церкви с Екатериной беседовал псковский епископ Симеон Теодорский. Великий князь говорил невесте, что этот человек сумеет убедить ее. Именно Петр посоветовал Екатерине прислушиваться к мнению В.Е. Ададунова, ставившего ей русское произношение, когда возникли разногласия между наставниками, как нужно правильно произносить по-русски символ веры при обращении ее в православие. После совершения обряда подарил ей часы и веер. Во время путешествия в Киев Петр захотел ехать с невестой в одном экипаже. После ссоры с матерью Екатерины из-за случайно опрокинутой великим князем шкатулки Петр доверительно и «простодушно» рассказал невесте, как это все в действительности произошло.

Когда мать Екатерины выбрала ее за ночную прогулку в Петергофе, великий князь «не усмотрел ничего дурного» в поступке дочери. Он забавлялся военными играми у себя в покоях, Екатерина принимала в них непосредственное участие, имела чин и была его «поверенной» по этой части. Петр очень смутился, когда камер-фрау

М.В. Крузе по секрету сообщила ему, что его жена любит лакея Петра Чернышева. Великий князь, не только доверительно рассказал об этом жене с просьбой не выдавать его, но и произнес знаменательную фразу: «Мне хотелось бы, чтобы вы любили меня так, как любите Чернышева». Услышав заверения Екатерины, что эта клевета, Петр сказал: «Откровенно скажу вам, что мне трудно было этому поверить и что меня сердило, так это то, что Вы не доверили мне, что имели склонность к другому, чем я»³⁴.

Первое упоминание в первой редакции о нежелании Петра быть в обществе невесты относится к весне 1745 г. Здесь говорится о том, что иногда по вечерам Петр заходил в ее покои, но делал это неохотно (« Mais il n'avait aucun empressement d'y venir»). «Он предпочитал играть в куклы у себя»³⁵. С наступлением хорошей погоды и переездом двора в Летний дворец «посещения великого князя стали еще реже» («Là les visites du Grand Duc diminuèrent encore»)³⁶.

Во второй редакции никакого соучастия Петра в жизни невесты нет вовсе. При описании всего, что происходило с Екатериной после приезда в Россию, жених как бы вовсе отсутствует. Затем сообщается, что наступлением хорошей погоды весной 1744 г. великий князь перестал посещать невесту и ее мать, предпочитая прогулки и охоту в окрестностях Москвы³⁷. Таким образом, упоминание о прекращении визитов к невесте и отсутствии всякого интереса к ней «сдвинуто» на год ранее. Естественно, при таком раскладе должны были выпасть из текста все сообщения о совместном времяпрепровождении будущих молодоженов. И уж никак не могла находиться в нем фраза о том, что великий князь огорчен тем, что Екатерина любит не его, а Петра Чернышева. Впрочем, это не совсем так. Лакуны заполняются пассажами, в которых Петр, ранее заинтересованно участвовавший в устройстве судьбы своей невесты, превращается в ее антагониста, предающего их общие интересы.

Поскольку Петр «охладел» к невесте уже весной 1744 г., мемуаристка продолжала «лепить» новый образ жениха, выстраивая его соответственно этой важной посылке. Прежде всего, она наделила его новыми чертами, в первой редакции ему совершенно несвойственными. Будучи равнодушен к невесте, он, не задумываясь, предает ее в критических ситуациях. Когда весной 1744 г. разыгралось дело Шетарди, в котором оказалась замешана мать Екатерины, и встал вопрос о высылке ее вместе с дочерью, Петр повел себя так, что его невеста «ясно увидела», что он покинул бы ее «без сожаления»³⁸.

Развивая тему равнодушия и предательства, мемуаристка сочинила еще несколько эпизодов, которых не было в первой редакции. Именно сочинила, а не вспомнила, чтобы показать, что Петр предавал ее даже когда, когда ему ничего не угрожало. Осенью 1744 г. в театре конфидент императрицы Ж.-Г. Лесток передал Екатерине выговор за то, что у нее были долги. При этом присутствовавший в ложе великий князь «дал понять игрой лица больше, чем словами, что разделяет мысли своей тетушки» и что он доволен, что Екатерину выбрали. «Это был довольно обычный его прием, и в таких случаях он думал угодить императрице, улавливая ее настроение, когда она на кого-нибудь сердилась»³⁹.

В этом смысле очень показательно описание конфликта, разгравшейся, когда Елизавета удалила любимую горничную Екатерины М.П. Жукову за то, что она была более других привязана к своей госпоже. Петр не только не встал на сторону жены, но и одобрил несправедливый и жестокий образ действий императрицы⁴⁰.

Следует особо подчеркнуть: фразе о том, что весной 1744 г. Петр прекратил ежедневные посещения невесты, предпочитая им прогулку и охоту, во второй редакции предшествует подробнейший рассказ о болезни Екатерины, свалившей несчастного ребенка вскоре после приезда в холодную Россию. Этот рассказ завершается описанием ужасающего портрета поправившейся девочки. «Я похудела, как скелет, выросла, но лицо и черты мои удлинлись»⁴¹, волосы у меня падали, и я была бледна смертельно. Я сама находила, что страшна, как пугало, и не могла узнать себя». Мемуаристка дает понять читателю, что после этой ужасной метаморфозы жених изменил свое отношение к невесте и утратил к ней всякий интерес.

Любопытно, что ранее в «Автобиографической записке» причиной, заставившей девочку задуматься, не лучше ли вернуться в Германию, чем выходит замуж, выставлено уродство великого князя после перенесенной оспы зимой 1744–1745 гг. «Лицо его было совсем обезображено и распухло до крайности; словом, если бы я не знала, что это он, я ни за что не узнала бы его, вся кровь во мне застыла при виде его, и, если бы он был немного более чуток, он не был бы доволен теми чувствами, которые мне внушал. Он каждый вечер ужинал у меня, но чем ближе подходило время к моей свадьбе, тем больше и желала бы последовать за матерью»⁴².

Отметим, что уродство жениха весной и летом 1745 г. невеста имела возможность лицезреть «каждый вечер», потому что жених ужинал

у нее, тогда как согласно второй редакции он предпочитал не посещать ее.

При составлении первой редакции мемуаристка признала, что при виде жениха после болезни испугалась, так он был обезображен следами оспы, что был неузнаваем⁴³. («Il était tellement défiguré des marques de la petite vérole, qu'il était méconnaissables»⁴⁴). Однако в этом тексте она не воспользовалась ранее найденным ею объяснением, что изменившаяся до неузнаваемости внешность побуждала ее вместо свадьбы уносить ноги. Об изменении своей внешности после перенесенной болезни в этой редакции ничего не пишет. Равно как и том, что жених стал к ней равнодушен после ее выздоровления.

Во второй редакции тоже описан ужас, который испытала мемуаристка при виде жениха после перенесенной болезни. «Я чуть не испугалась при виде великого князя («Je fus presque effrayée»), который вырос, но лицом был неузнаваем (Mais irrécognissable); все черты его лица огрубели, лицо еще все было распухшее, и несомненно было видно, что он останется с очень заметными следами оспы. Так как ему остригли волосы, на нем был огромный парик, который еще больше его уродовал. Он подошел ко мне и спросил, с трудом ли я его узнала («Si je n'avais pas de la peine à le reconnaître?»). Я пробормотала ему свое приветствие по случаю его выздоровления, но в самом деле он стал ужасен» (Mais en fait il était devenu affreux»⁴⁵). Но причиной, повлекшей за собой охлаждение между женихом и невестой, явилась вовсе не изменившаяся внешность великого князя, а то, что подурнела невеста.

Описывая метаморфозу во внешности, которую вызвала болезнь и у Петра, и у Екатерины, мемуаристка употребляет почти одни и те же выражения: «Я ни за что не узнала бы его» («Je ne l'aurais jamais reconnu»). «Лицом неузнаваем» («Irrécognissable»). «Я не могла себя узнать» («Je ne pouvais pas retrouver ma physionomie»). Только в одном случае внешнее уродство Петра после его болезни отравила мысли Екатерины о предстоящей свадьбе, во втором же, наоборот внешность Екатерины, искаженная болезнью, отвратила от нее жениха. Из этого сопоставления прекрасно видно, насколько свободно мемуаристка обращается с фактами, преподнося их читателю в таком виде, в каком в каждом конкретном случае находила нужным, не останавливаясь перед тем, чтобы их просто-напросто перелицевать, вылепливая из выдуманных фактов нужный образ.

Во второй редакции, несмотря на ужас, который теперь вызывало у невесты физическое уродство жениха, она не изменила своего

отношения к нему, продиктованного чувством долга. Так же обстояло дело и в первой редакции. Но теперь мемуаристка придумала новый ход. Этому «уроду» мемуаристка противопоставила себя, превратившуюся из гадкого утенка, каковым она стала во время болезни, чуть ли не в белого лебедя. Настолько она «похорошела» со времени «московской болезни» («J'étais devenuë plus jolie depuis ma maladie de Moscow») ⁴⁶, что это вызвало восхищение императрицы Елизаветы. В то время как Петр не появился на публике в день своего рождения, когда ему пошел восемнадцатый год, потому что «не спешили показывать его в том виде, в какой привела его оспа», его невеста обедала на троне вместе с императрицей и стяжала всеобщее одобрение. Императрица настолько восхитилась своей будущей невесткой, что велела даже отнести к себе в покои ее портрет кисти Л. Карвака и оставила его у себя ⁴⁷.

Благодаря такой переработке текста мемуаристка сумела добиться многого. Она унизила Петра, возвысив в себя, и тем самым еще ярче подчеркнула противоположность их личностей. Уродство жениха не отвратило ее от него, когда же она «похудела, как скелет», волосы «выпадали», а лицо уродовало «смертельная бледность», он «перестал ежедневно посещать» суженную. И что важно, Екатерина переболела на полгода ранее Петра. И даже столкнувшись с безразличием нареченного, она ни сколько не меняется по отношению к нему, когда его уродует болезнь. Ситуация не стала иной, когда невеста вновь расцвела.

Из этого сопоставления читатель должен был вывести заключение, на каких различных высотах нравственности находились главные персонажи ее «Записок». Читателю должно было быть понятно, что семейная жизнь у этих людей сложиться не могла.

«Ici finirent toutes les assiduités du Grand Duc pour moi» ⁴⁸

Отношение жениха, ставшего почти уродом, к возвратившей свою природную красоту после выздоровления невесте осталось по-прежнему холодным и равнодушным. Екатерина видела его, когда была вынуждена проходить через его покои во время походов к обедне или к императрице. «Он приходил также по вечерам на несколько минут ко мне, — сообщает с сожалением мемуаристка, — но без всякой охоты («Sans nul empressement»). Всегда был рад найти какой-нибудь предлог, чтобы отделаться от этого и остаться у себя, среди обычных ребяческих забав» («Entouré de son entantillage ordinaire» ⁴⁹).

Когда же в мае 1745 г. императрица с великим князем переехала в Летний дворец, а Екатерину поселили в каменном здании, прилежавшем к дому Петра I, частые посещения жениха прекратились. Он велел своему слуге прямо сказать невесте, что живет слишком далеко» от нее, «чтобы часто приходиться» к ней. После этих слов Екатерина «отлично почувствовала, как он мало занят» ею и как мало она любима⁵⁰. («Ici finirent toutes les assiduités du grand Duc pour moi. Il me fit dire tout net par un domestique, qu'il demeurerait trop loin de chez moi pour me venir voir souvent; je sentis parfaitement son peu d'empressement et combien peu j' étais affectonnée»)⁵¹.

В первой редакции есть упоминание о том, что при переезде в Летний дворец «посещения великого князя стали еще реже»⁵². Однако работая над второй редакцией, мемуаристка нашла это недостаточным. «Посещения» (les visites) она изменила на «ухаживания» («les assiduités»). Мемуаристка решила усилить негативное впечатление от сказанного и вложила в уста жениха сакраментальную фразу — «слишком далеко». Нелепость ее должна была быть очевидна для читателя, мало-мальски знакомого с топографией Летнего сада, хорошо представлявшего себе, насколько это близко.

**«Mais pour n'en être pas jalouse,
il n'y avait d'autre moyen que de ne pas l'aimer»⁵³
«Но чтобы не ревновать его, не было иного средства,
как не любить его»⁵⁴**

Согласно тексту первой редакции основная причина того, что у великокняжеской пары не получилось счастливой семьи, заключалась в ребячестве Петра («son enfantillage»), его увлечении военными играми, которое как бы заместило собой «амурную сферу», и главное — в асексуальности этого полу-ребенка. Во второй редакции «son enfantillage» доведено до крайних пределов, но главная причина, почему брак не стал счастливым, заключается в ином.

Согласно второй редакции, то небольшое время, когда жених и невеста были вместе, Петр рассказывал Екатерине о своих увлечениях другими особами. В первые десять дней пребывания в Москве Екатерины Петр поверял ей свои сердечные тайны: рассказывал о своей любви к фрейлине Н.Ф. Лопухиной. После выздоровления невесты, в те короткие часы, когда великий князь удостаивал ее своими посещениями, «снова продолжались его ребяческие откровения».

Эти «откровения» являлись некоей новацией второй редакции. Ранее мемуаристка упоминала о том, что Петр «позволял себе некоторые вольные поступки и разговоры с фрейлинами» и это не могло ей нравиться. Теперь же фривольности с фрейлинами были заменены признаниями жениха невесте в любви к другим особам. Посредством этой замены Петр выглядел глуповато, а Екатерина — совершенно несчастной и не могла не вызвать сочувствия.

Если ранее Екатерина, не видя в муже-ребенке мужчину, чтобы не стать несчастной, решила не любить его, то теперь такое решение не приобрело иную мотивировку. Мемуаристка твердо решила на это решение, чтобы не умереть от ревности.

«Я очень хорошо видела, что великий князь совсем меня не любит: через две недели после свадьбы он мне сказал, что влюблен в девушку Карр, фрейлину императрицы. <...> Он сказал графу Дивьеру, своему камергеру, что не было и сравнения между этой девицей и мною. Дивьер утверждал обратное, и он на него рассердился; эта сцена происходила почти в моем присутствии, и я видела эту ссору. Правду сказать, я говорила самой себе, что с этим человеком я непременно буду очень несчастной, если я поддамся чувству любви к нему, за которое так плохо платили, и что будет с чего умереть от ревности безо всякой для кого бы то ни было пользы. Итак, я старалась из самолюбия заставить себя не ревновать человека, который меня не любит, но чтобы не ревновать его, не было иного средства, как не любить. Если бы он хотел быть любимым, это было бы для меня нетрудно: я от природы была склонна и привычна исполнять свои обязанности, но для этого мне нужно было бы иметь мужа со здравым смыслом, а у моего этого не было»⁵⁵.

Во время пребывания в Ревеле летом 1746 г. Петр «увлекся ненадолго <...> некоей Цедерспарр. Он не преминул, по принятому обыкновению, поверить <...> это тотчас же» молодой жене⁵⁶. После таких откровений Екатерина чувствовала себя «совершенно одинокой». У нее обнаружили частые боли в груди, и однажды пошла кровь горлом.

Во второй редакции нет описания первой брачной ночи, ничего не говорится «про особенности этого господина», которые давали уверенность Екатерине в том, что далее перемигиваний дело не пойдет. Не проводится параллель с А.Н. Румянцевой, оставшейся девушкой после свадьбы. Все это делается для того, чтобы у читателя, сочувствующего Екатерине, складывалось впечатление, что мемуаристке

действительно грозила нешуточная опасность. При этом, описывая очередное увлечение мужа другой дамой, Екатерина старается всячески подчеркнуть дурной вкус Петра и нелепость его донжуанских приемов.

Вот какими словами Екатерина представляет Е.И. Бирон, принцессу Курляндскую: она «ни была ни красива, ни мила, ни стройна, ибо она была горбата и довольно мала ростом». Но поскольку она в глазах великого князя была иностранкой и они говорили по-немецки, «он начал оказывать ей столько внимания, сколько был способен; когда она обедала у себя, он посылал ей вина и некоторые любимые блюда со своего стола, и когда ему попадалась какая-нибудь новая гренадерская шапка или перевязь, он их посылал к ней, чтобы она посмотрела».

А вот что говорится о будущей фаворитке Петра Елизавете Воронцовой, зачисленной в штат двора летом 1749 г. вместе со старшей сестрой Марией. Мария «была очень некрасивая девушка, с оливковым цветом лица и неопрятная до крайности. Они обе начали в Петербурге с того, что схватили при дворе оспу, и младшая стала еще некрасивее, потому что черты ее совершенно обезобразились, и все лицо покрылось не оспинами, а рубцами»⁵⁷. Но ее фавор был еще впереди.

Пока же весной 1750 г. во время поездки в Царское Село главным предметом внимания великого князя стала Е.И. Бирон. «Здесь великий князь стал выказывать решительное пристрастие к принцессе Курляндской, особенно выпивши вечером за ужином, что случилось с ним почти каждый день.; он не отходил от нее больше ни на шаг, говорил только с нею, одним словом, дело это быстро шло вперед в моем присутствии и на моих глазах, что начинало оскорблять мое тщеславие и самолюбие; мне было обидно, что этого маленького уродка предпочитают мне. Однажды вечером, когда я встала из-за стола, Владислава сказала мне, что все возмущены тем, что эту горбунью предпочитают мне; я ей ответила: «Что делать!», у меня навернулись слезы, и я пошла спать»⁵⁸.

Если сравнить эту сцену с ее описанием в первой редакции, то бросается в глаза то, как мемуаристка «переработала» весь эпизод. Ранее ухаживания за принцессой Курляндской Петр производил не на глазах жены. П.Н. Владислава выследила их чрез замочную скважину. У Екатерины болела голова. Придя в ее комнату, Владислава написала это недомогание ее ревности к принцессе. Она поносила Бирон, как только могла, и на чем свет стоит ругала великого князя за его

дурной вкус и поступки по отношению к жене. Речи Владиславовой заставили изнемогавшую Екатерину расплакаться и лечь в постель⁵⁹.

Во второй же редакции возмутительные ухаживания Петра за принцессой Курляндской происходят в присутствии Екатерины, у нее на глазах, от чего выглядят еще более оскорбительно, потому что публично ущемляется ее тщеславие и самолюбие. Так автор второй редакции усиливает тему неизбежной ревности Екатерины и тем самым оправдывает ее в том, что она зареклась любить такого неверного мужа. Оправдание себе Екатерина во второй редакции находит еще в том, что пьяный муж не давал ей заснуть, чтобы поговорить о своей возлюбленной, и видя, что она делает вид, будто спит, и не отвечает ему, «довольно сильно ткнул» ее раза два-три в бок» («Il me donna deux ou trois coups de poing assez forts dans le côté»⁶⁰). Екатерина проплакала всю ночь «и из-за ударов», которые он «нанес, и из-за своего положения»⁶¹.

В первой редакции Екатерина не безмолвна, а раздраженно отвечает мужу и получает несколько очень сильных ударов локтем в бок⁶² («Il me donna quelques coups de coud très rudes dans le côté»⁶³). Конечно, и удар локтем, и два удара кулаком в бок притворившейся спящей жене равно отвратительны. Но кулачные удары по дремлющей супруге более brutальны и выглядят возмутительней. Это тоже «находка» мемуаристки. Эта деталь призвана подчеркнуть, насколько была бы неправа Екатерина, если бы не приняла твердого решения не любить такого мужа.

Итак, теперь асексуальность Петра была заменена интересом его к другим особам. И эта замена была отнюдь не случайной. В Обстоятельном манифесте о свержении Петра III упоминалась его фаворитка Е.Р. Воронцова, которой низвергнутый император намеривался заменить законную супругу. Если бы во второй редакции «très enfant» Петр оставался бы таким, каким он был представлен в первой редакции, то было бы невозможно убедить читателя в том, что у него появилась настоящая любовница, соперница законной супруги наследника. Для того чтобы все выглядело более менее правдоподобно, мемуаристка асексуального мальчишку превратила в бонвивана, совершенно беспардонно глумящегося над узами брака.

Но кроме ревности, которую могло бы возбудить поведение Петра, Екатерину отвращала от мужа еще одна черта (разумеется, в первой редакции у великого князя ее еще не было): нетерпимость к мнению жены. Мемуаристка сообщает: ее дядя, голштинский принц Август,

овладел умом Петра. «Как принц Август, так и старые его камердинеры, любимцы великого князя, боясь, вероятно моего будущего влияния, часто говорили ему о том, как надо обходиться со своею женой; Румберг, старый шведский драгун, говорил ему, что его жена не смеет дыхнуть при нем и вмешиваться в его дела и что если она только открывает рот, он приказывает ей замолчать, что он хозяин в доме и что стыдно мужу позволять жене руководить собою, как дурачком»⁶⁴ («Comme un benêt»)⁶⁵. Петр сам рассказывал об этом невесте, даже не задумываясь о том, какое впечатление это может произвести на нее. Он был уверен, что она думает точно так же, но откровения жениха заставили невесту еще раз серьезно задуматься над ожидавшей ее судьбой («Je ne laissais pas de faire des réflexions très sérieuse sur le sort, qui m'attendait»⁶⁶).

**«Mais pour cela il m'aurait fallu un mari,
qui eut eu le sens commun, et celui-ci ne l'avait pas»
«Но для этого мне нужно было бы иметь мужа с
о здравым смыслом, а у моего этого не было»**

Фраза о «sens commun», которого великий князь «ne l'avait pas», была помещена в определенном контексте: вскоре после упоминания о том, что спустя полмесяца после свадьбы Петр признался Екатерине, что влюблен в фрейлину Карр, камер-юнкеру Дивьеру заявил, что между ней и его супругой не может быть никакого сравнения⁶⁷.

Очевидно, логика мемуаристики такова. Петр проявлял интерес к другим женщинам и сам рассказывал об этом жене, потому что «здравого смысла» у него не было. Чтобы не умереть от ревности, супруга великого князя решила никогда его не любить. Но это было бы еще полбеды. Именно от того, что у Петра «здравого смысла» не было, совершенно незаслуженным преследованиям со стороны императрицы Елизаветы подверглась его жена. Твердое решение Екатерины, спровоцированное поведением супруга, имело для нее печальные последствия. Елизавета Петровна обвинила невестку в том, что она вовсе не любит ее племянника.

Именно поэтому на Екатерину обрушились кары императрицы, которая, не понимая истинных причин разобщенности у великокняжеской пары, неловким образом попыталась ситуацию исправить. Но ничего умнее государыня придумать не смогла, как подчинить их надзору М.С. Чоглоковой, которая отличалась семейными добродете-

лями. Петру дали понять, что Чоглокову назначили к великой княгине, потому что Екатерина не любит его. Обер-гофмейстерину «считали чрезвычайно добродетельной, потому что тогда она любила своего мужа до обожания: она вышла за него замуж по любви». Такой прекрасный пример, который выставили напоказ должен был убедить Екатерину делать то же самое («On croyait madame Tschoglokof excessivement vertueuse, parce que'alors elle aimait son mari à l'adoration; elle l'avait épousé par amour un aissi bel exemple, qu'on mettait sous mes yeux, devait me persuader peut-être à en faire autant»)⁶⁸.

Но избравшие Чоглокову жестоко ошиблись, она совершенно не подходила к этой роли, потому что была глупая («bête»), злая («méchante») и недоброжелательная («malveillante»). Чоглокова могла быть только Аргусом, т.е. надзирательницей. Именно так она и поняла свою роль. Надзор за великой княгиней усилился. Но как именно она стал осуществляться, мемуаристка подробно не описала. Она упомянула лишь о том, что в качестве наказания ее лишили права посещать уборную императрицы и велели обращаться к ее величеству не напрямую, а только через Чоглокову⁶⁹.

Нетрудно заметить, что в первой редакции нет утверждения о том, что у великого князя отсутствовал «здравый смысл». А ужесточение обращения с его женой объяснено очень неубедительно. «Я имею полное основание думать, что в то время очень были заняты тем, что поссорить меня с великим князем, ибо несколько позже граф Дивьерни с того ни с чего рассказал мне однажды, что он заметил склонность великого князя к девице Карр, фрейлине императрицы, а немного спустя доверил мне, что таковая же была у моего супруга к девице Татищевой»⁷⁰ «J'ai tout lieu de croire que l'on était fort occupé alors à brouiller le Gr. Duc et moi, car quelque tems après le c-te Divier de but en blanc me conta un jour l'inclination qu'il remarquait au Gr. Duc our mademoiselle Carr, fille d'honneur de l'Impératrice, et peu après il me confia celle de mon époux pour mademoiselle Tatischew»⁷¹.

При сравнении этих двух интерпретаций сразу бросается в глаза следующее. В первой редакции мемуаристка не могла найти более или менее правдоподобное объяснение, почему великую княгиню подвергли усиленному надзору. И потому она выставила надуманную причину: супругов хотели во чтобы от ни стало поссорить. Императрица Елизавета в этой редакции представлена капризным деспотом, но все равно самодурством государыни невозможно объяснить, зачем было нужно ей ссорить супругов, тогда как она желала появления де-

тей у великокняжеской четы и в целом укрепления престолонаследия. Нетрудно заметить, что в первой редакции Дивьер сообщает Екатерине выдуманную историю о склонности Пера к девице Карр в конце мая 1746 г., в то время как муж Екатерины совершенно асексуален. Во второй редакции Петр сам сообщает жене о том, что действительно влюблен в Карр уже в сентябре 1745 г. Из этого легко заключить, что мемуаристка просто выдумывает факты, чтобы заполнить ими выстроенную заранее конструкцию той или иной редакции своих мемуаров. В силу этого достоверность их как в первой, так и во второй редакциях не вызывает доверия. Но в одном можно быть уверенным: те факты, которые мемуаристка «вспомнила» двадцать лет спустя, после того как составила первую редакцию воспоминаний, ею выдуманы.

Важнейшая из этих выдумок заключалась в том, что у Петра теперь появилась новая основополагающая черта его характера, определяющая все его поступки. И в конечном итоге — судьбу.

«Il avait été toujours revêche à toute instruction»⁷²

«С детства он всегда был неподатлив для всякого назидания»

В общей характеристике личности Петра, с которой начинается текст второй редакции, априори провозглашается, что он с детства не поддавался никакому воспитанию, т.е. был просто-напросто не управляем. Описывая свое пребывание в Москве, мемуаристка сообщает: лица, управляющие Малым двором великого князя, были бессильны справиться с ним. Впервые об этом мемуаристка упоминает, когда рассказывает о своем обручении с ним в июне 1744 г. «В это время граф Брюммер несколько раз обращался ко мне, чтобы пожаловаться на своего воспитанника. Он хотел с моей помощью исправить или образумить своего великого князя». («pour corriger ou redresser son Grand Duc»⁷³). Но Екатерина отказалась, потому что опасалась стать такой же ненавистной для жениха, как и все окружающие его.

Тема отбившегося от рук «l'enfant terrible» развивается на последующих страницах. Во время пребывания в Петергофе летом 1745 г. Екатерина убедилась в истинности слов Брюмера. «Тут мне стало ясно как день, что все приближенные великого князя, а именно его воспитатели, утратили над ним всякое влияние и авторитет («tout credit et autorité»); свои военные игры («ses jeux militaires), которые он раньше скрывал, теперь он производил чуть ли не в их присут-

ствии («il les mettait en oeuvres quasi en leur présence». Граф Брюммер и старший воспитатель видели его почти только на публике, находясь в его свите. Остальное время он буквально проводил в обществе своих слуг, в ребячествах неслыханных в его возрасте, так как он играл в куклы» («à des enfantillages inouïs pour son âge, car il jouait aux poupées»)⁷⁴.

Тезис о том, что Петр как взбалмошный ребенок совершенно отбился от рук и воспитатели утратили над ним всякое влияние, очень важен для построений мемуаристики. С помощью его она как бы подводит читателя к мысли: за этим неуправляемым человеком необходим был строгий надзор, идущий сверху. Это дает возможность объяснить, почему наследник и его Малый двор подвергся «репрессиям», и в некотором роде оправдать их. Правда, утеснениям подверглась и Екатерина, но она-то страдала из-за безрассудств своего супруга. Мемуаристка развернула в тексте картину сумасбродств Петра, предельно четко отделив себя от них, сняв с себя какую-либо ответственность за то, что они имели место. Дескать, не могла вмешаться, было бы еще хуже: стала бы предметом его ненависти и потеряла бы его доверие навсегда. Важно подчеркнуть, мемуаристка настаивает на том, что она любила бы всей душой мужа «со здравым смыслом», ее же супруг такого не имел, поэтому любить такого человека она не могла.

Один из разделов «Записок»? непосредственно расположенный после заявления об отсутствии у Петра здравого смысла, так и озаглавлен — «Безрассудство («Indescretions») великого князя⁷⁵/ В этом разделе описывается, как супруг Екатерины просверлил дырки в двери, чтобы подсматривать за Елизаветой. Прежде всего сообщается: Петр устроил театр марионеток, но «эти спектакли были глупейшей вещью на свете» («Ce spectacle était la chose du monde la plus insipide»). Такие спектакли Екатерина именует «так называемыми» («soit disant»). Петр приглашал на них гостей и даже дам. Услышав разговоры за заколоченной дверью, которая вела в покои императрицы, великий князь, обладавший «легкомысленной живостью» («d'une vivacité incosidérée»), тут схватил столярный инструмент и просверлил несколько дыр в заколоченной двери. Увидев там императрицу, обедавшую в домашней обстановке с фаворитом и приближенными, Петр решил превратить сделанное открытие в некий театр. Вначале он сам наслаждался подсматриванием, потом позвал сделать то же, тех, кто был рядом с ним. Наконец, он наставил скамейки, стулья, скамеечки «для

удобства зрителей» («pour la commodité des spectateurs») и пригласил на это реер show Крузе и женщин Малого двора своей супруги. Екатерина пришла последней и возмутилась этим скандальным поступком мужа. Она предрекла ему большие неприятности⁷⁶.

Сравнивая изложение этого эпизода в обеих редакциях, нетрудно заметить, что в первой рассказывается, что Петру пришла в голову «фантазия» («il prit fantaisie») просверлить дырки в двери, чтобы посмотреть, что происходит в этой комнате. Он хотел, чтобы все окружающие насладились зрелищем, которое он увидел. Екатерина тоже однажды пользовалась этими дырками, уступив настояниям мужа, но потом одумалась и отказалась смотреть, предрекая неприятности.

Во второй же редакции безрассудство Петра усилено во сто крат. Банальное подсматривание превращается в некий театр с местами для зрителей. Петр выглядит абсурднее и инфантильнее, супруга же представлена умнее и дальновиднее.

В первой редакции кратко сообщается, что Елизавета «страшно бранила великого князя» (« gronda terriblement le Gr. Duc»). Во второй же «разнос» выливается в целый ряд обвинений, которые тем более выглядят убедительно, что исходят из уст императрицы. Елизавета заявила, что она не может на него смотреть иначе, как на неблагодарного, потому что он забыл, чем ей был обязан. Императрица напомнила: Петр Великий тоже имел неблагодарного сына. Он наказал его, лишив наследства. Императрица Анна Иоановна, которой Елизавета всегда оказывала уважение, шутить не любила и сажала в крепость тех, кто ей уважения не оказывал. Елизавета назвала Петра «мальчишкой, которого она сумеет проучить». («qu'il n' était lui qu'un petit garçon, qui elle saurait apprendre à vivre»). Императрица не потерпела никаких возражений и приказала ему молчать, когда он попытался что-то сказать в свое оправдание. Елизавета так разъярилась, что ее гнев уже не знал удержу, и наговорила ему много обидных и оскорбительных вещей, «высказывая ему столько же гнева, сколь и презрения» («à lui témoignait autant de mépris que de colère»⁷⁷).

Немаловажно, что потом мемуаристка сообщает: пришла Крузе и заявила, что «императрица поступила как истинная мать!», и рекомендовала впредь в таких случаях говорить: «Виноваты, матушка». Екатерина взяла эту фразу на вооружение и впоследствии с успехом ею пользовалась. Эпизод был сочинен так, что читатель невольно должен был встать на сторону императрицы и признать: Елизавета была

совершенно права. Действительно ее племянник — мальчишка, которого надо было как следует проучить. В самом деле, этот инфант был достоин презрения.

В таком контексте отставка воспитателей Петра Брюммера и Берхгольца, утративших всякое влияние на своего воспитанника, выглядит вполне оправданной и не вызывающей никаких вопросов. Между тем в первой редакции Екатерина ни как не могла объяснить, почему же воспитателей отставили. Мемуаристка явно затруднялась точно сказать, когда и почему произошла эта отставка, и постаралась как можно темнее и невнятнее изложить этот эпизод. Теперь же все выглядело вполне логично.

Игра в игрушки, куклы и другие детские забавы по ночам на постели Екатерины за закрытой на ключ дверью спровоцировала неожиданный визит Чоглоковой, пронюхавшей о ночных развлечениях, в великокняжескую спальню. Вслед за этим эпизодом рассказывает следующее. При переезде осенью 1747 г. в новые покои последовало «очень строгое» («très severe») запрещение императрицы, переданное через Чоглокову, без непременного разрешения («sans l'expresse permission») супругов Чоглоковых кому бы то ни было входить в апартаменты Петра и Екатерины. Дамам и кавалерам разрешалось находиться лишь в передней великокняжеских покоев, не переступая порога, и разговаривать с наследником и его женой только громко. То же запрещение было объявлено слугам под страхом увольнения.

Мемуаристка пишет, что такого рода тюрьмы никто из великокняжеской четы не заслужил («Cette sorte de prison, qu'aucun de nous n'avait pas mérité»⁷⁸, но дает понять, что «ночные забавы» Петра, о которых стало известно надзирателям, спровоцировали ужесточение режима содержания великокняжеской четы.

Упомянув о том, что весной 1748 г. от великого князя «удалили еще четырех лиц», в числе которых были трое пажей, наиболее любимых, мемуаристка упрекнула мужа в том, что он ничего не делал, чтобы прекратить эти увольнения. Более того, она прямо обвиняет мужа: он делал «такие неудачные шаги, что только увеличивал беду». («mais il ne faisait pas un pas pour les arrêter ou bien il en faisait de si gauches, que cela ne produisait autre chose que d'augmenter le mal»⁷⁹. Но в чем именно состояли эти шаги, не говорится ни слова. Рассказав об отправке В.Н. Репнина на войну в Богемию, Екатерина признала, что это назначение было формой немилости, из-за которой

генерал скончался от горя. Однако почему Репнин подвергся немилости и был удален от руководства двором великого князя, мемуаристка никак не объяснила, оставив читателю самому домысливать, не произошло ли это от того, что Петр, порученный надзору генерала, вел себя неадекватно.

Как помним, в первой редакции главной причиной репрессий против Малого двора выставлено то, что молодые люди, Екатерина и Петр, вели себя, как подобает людям их возраста: были слишком подвижны и веселы, а это не нравилось взрослому Большому двору, которого раздражало веселье и подвижность молодости. Теперь вся ответственность за «репрессии» мемуаристка возложила на инфантильного Петра, который своими безрассудными поступками спровоцировал ужесточение режима содержания Великокняжеского двора. По словам мемуаристки, М.С. Чоглокова и ее муж, поставленный управлять двором Петра вместо Репнина, «хотели во что бы то ни стало уединить великого князя и меня» (*«Ceci était aussi une manigance des Tschglokfs, qui voulaient absolument isoler le Grand Duc et moi»*)⁸⁰. И это уединение позволило развиваться дурным природным задаткам великого князя, значительно усилило негативные черты характера, превратив его чуть ли не в монстра. Прежде всего, речь шла о какой-то патологической жестокости, которую стал проявлять Петр *absolument isolé*.

«Вообще слезы и крики вместо того, чтобы внушать жалость великому князю, только сердили его; жалость была чувством тяжелым и даже невыносимым для его души»⁸¹

«En general, les larmes et les cries au lieu de faire pitié au Grand Duc, le mettaient en colère; la pitié était un sentiment pénible et même insupportable à son âme»⁸²

В обстоятельном манифесте о свержении Петра III говорилось о том, что он намеривался убить свою жену⁸³. Разумеется, чтобы публика могла поверить в эту нелепую выдумку, морально оправдывающую свержение законного монарха, необходимо было представить в мемуарах мужа Екатерины человеком, способным на такое преступление, т.е. не просто жестоким, но в некотором роде даже брутальным. Именно этими качествами мемуаристка наделила его во второй редакции.

**«Et après ces chiens il'avait pas de creature
plus malheureuses que moi alors»**

«После этих собак не было создания, более несчастного, чем я»

«C'était un pauvre petit charlot de race anglaise»⁸⁴

«Это был бедный маленький шарло английской породы»⁸⁵

Замена толчков локтем на удары кулаком спящей жены была сделана не случайно. Мемуаристка решила наделить мужа еще одним качеством, которым он в тексте первой редакции не обладал совсем. Правда, толчки локтям в бок тоже действие не из вежливых, но это единственный случай в этом тексте, когда Петр проявляет свою брутальность. А вот вторая редакция содержит придуманные мемуаристкой зарисовки, когда великий князь проявлял бессмысленную жестокость. Прежде всего, он мучил невинных животных.

В первой редакции говорилось: в Москве с семи часов утра до самой поздней ночи Петр дрессировал для охоты пуделей породы charlos. Ужасный крик и вой пяти или шести собак, которых он жестоко колотил, заставлял его жену ужасно страдать от такой музыки, так что после этих собак не было создания, более несчастного», чем она ⁸⁶.

Во второй редакции мемуаристка упомянула, что Петр мучил животных дрессировкой. «На даче он; составил себе свору собак и начал сам их дрессировать»⁸⁷. Но работая над текстом, Екатерина осознала: провозгласить, что Петр отличался жестокостью, далеко недостаточно. Для того чтобы читатель почувствовал омерзение к наследнику, надо было показать проявление его жестокости на деле, т.е. красочно описать, как он был в действительности жесток.

Для этого она сочинила такую сцену. Во время же пребывания двора в Москве Петр проявил свои садистские наклонности в полной мере и заставил жену страдать. «Утром, днем и очень поздно ночью великий князь с редкой настойчивостью дрессировал свору собак, которую сильными ударами бича и криком, как кричат охотники, заставлял гоняться из одного конца своих двух комнат (потому что у него больше не было) в другой; тех же собак, которые уставали или отставали, он строго наказывал, это заставляло их визжать еще больше; когда наконец он уставал от этого упражнения, несносного для ушей и покоя соседей, он брал скрипку и пилил на ней очень скверно и с чрезвычайной силой, гуляя по своим комнатам, после чего снова принимался за воспитание своей своры и за наказывание собак, что мне по истине, казалось же-

стоки. Слыша раз, как страшно и очень долго визжала какая-то несчастная собака, я открыла дверь спальни, в которой сидела и которая была смежной с той комнатой, где происходила эта сцена, и увидела, что великий князь держит в воздухе за ошейник одну из своих собак, а бывший у него мальчишка, родом калмык, держит ту же собаку, приподняв за хвост. Это был бедный маленький шарло английской породы, и великий князь бил эту несчастную собачонку изо всей силы толстой ручкой своего кнута; я вступилась за бедное животное, но это только удвоило удары; не будучи в состоянии выносить это зрелище, которое показалось мне жестоким, я удалилась со слезами на глазах к себе в комнату. Вообще слезы и крики вместо того, чтобы внушать жалость великому князю, только сердили его; жалость была чувством тяжелым и даже невыносимым для его души»⁸⁸.

Великий князь мучает не только животных, но и людей его окружающих, обращаясь с ними как с четвероногими. «В своей комнате в то время он был так или иначе целый день в движении; в тот день он шелкал громадным кучерским кнутом, который нарочно себе заказал; он размахивал им по комнате направо и налево, и заставлял своих камер-лакеев шибко бегать из угла в угол, так как они боялись, что он их исполосует». Но однажды он доигрался до того, что «сам очень сильно хватил себя по щеке; рубец шел вдоль всей левой части лица и был до крови»⁸⁹.

Ребяческие военные игры Петра, по словам мемуаристки, также оборачивались мучением тех, кого он заставлял принимать в них участие. Так, летом 1746 г. в Ораниенбауме великий князь составил полк. В него вошли вся его свита, камергеры, камер-юнкеры, чины его двора, адъютанты князя В.А. Репнина, даже его сын, а также егеря, садовники. Все имели по мушкету на плече. Его императорское высочество каждый день устраивал им учения. Они должны были изображать гвардию. Коридор дома служил им кордегардией. Там они проводили целый день. Вечером офицеры поднимались наверх отдыхать и даже в танцевальный зал они приходили в гетрах («Le Grand Duc enrégimenta tout de sa suite, les chambellans, les gentilshommes de la chambre, les charges de sa cour, les adjudants du prince Repnin, son fils même, les domestiques de la cour, les chasseurs, les jardiniers, tout eut le mousquet sur l'épaule. S.A.I. les exerçait tous les jours, leurs faisait monter la garde; le corridor de la maison servait de corps de gard, où ils passaient la journée; pour le repas les cavaliers montaient en haut et le soir ils venaient dans la salle danser en gêtres».

Мужчины были измучены и пребывали в дурном настроении из-за того, что и там продолжались эти бесконечные военные упражнения, которые были совсем не по вкусу придворным. После бала им разрешалось отправиться к себе спать. Мужчины упражнялись в военном искусстве против своей воли. Всем опротивела эта скучная жизнь⁹⁰. «Les homes harassés et de maivaise humeur de cette continuité d'exercice militaire, qui n'était guère du gout de courtisans. Après la bal on les laisser aller coucher chez eux...tout le monde nous étions axcédés de la vie ennueyeuse...les hommes excerçaient à contre gré»⁹¹.

Важно отметить что, описывая жестокость и эгоизм великого князя, мемуаристка не только выступает в роли беспристрастного свидетеля, но презентует себя как полную противоположность своему мужу. При этом она выступает в двух качествах: она сочувствует жертвам и сама является одной их жертв этой бессмысленной жестокости.

«Il... faisait consister la beauté de la musique dans la force et la violence»⁹²

«Для него красота в музыке заключалась в силе и страстности»

Мучения животных, по словам мемуаристки, сменялось пиликанием на скрипке. Не игрой, а именно пиликанием. Вообще соединение образа садиста с образом музыканта следует отнести к удачным «находкам» автора второй редакции. Впрочем, мысль соединить эти два образа в одном лице появилась у Екатерины, когда она работала еще над первой редакцией текста.

В ней упоминается о скрипичных концертах Петра, но о его увлечении рассказывается в более мягком тоне: «Он очень увлекался музыкой («Il se passionna beaucour pour la musique») и часто в его комнатах устраивал концерты; у него был хороший слух, но он не знал ни одной ноты, а между тем он играл всю жизнь, благодаря верности слуха, на всех концертах, которые давал. Он изображал из себя знатока в музыке («Il faisait fort l'entendu en fait de musique»⁹³), но, в сущности, он не знал ее основных элементов; музыканты знали это отлично, они предоставляли ему все говорить и делать, потому что это было им выгодно»⁹⁴.

Как видим, здесь приводится невысокая оценка исполнительского мастерства великого князя, но никакого вреда его страсть к музыке никому не приносит. Но этот пассаж находится во второй части пер-

вой редакции. В третьей же ее части, выглядевшей как приговор личности Петра, мемуаристка нашла очень удачный ход: опустить исполнительское мастерство мужа, поставив игру на скрипке в один ряд с истязанием собак и назвав и то, и другое «музыкой».

Следует отметить, что в действительности Екатерина едва ли была способна оценить исполнительское мастерство великого князя, просто потому что была лишена способности воспринимать музыку. «Музыка в конце концов для моих ушей редко что-нибудь другое, чем простой шум», — признавалась она («Rarement la musique au rest est autre chose que de bruit pour mes oreilles»⁹⁵). Однако ее суждение вполне категорично: не играл, а «пил на скрипке» («racler de violon»⁹⁶).

По ее словам, в Москве Петр «имел два единственных занятия: одно — пилить на скрипке, другое — дрессировать для охоты пуделей из той породы, которую называют charlos. Таким образом, постоянно с семи утра до самой поздней ночи мне раздирали уши либо нестройные звуки, которые он с чрезвычайной силой извлекал из своей скрипки, либо ужасный крик и вой пяти или шести собак, которых он жестоко колотил остальную часть дня. Признаюсь, я была измучена и ужасно страдала от той и другой музыки, которая с утра и до поздней ночи раздирала мне барабанную перепонку: после этих собак не было создания, более несчастного, чем я»⁹⁷.

Кнутом он мучил собак, а смывком — жену. Но супругу мучил вдвойне, потому что истязание собак тоже было для нее мучением. Нетрудно заметить, что романтический образ музыканта-скрипача, который может вызвать симпатии у определенной части читателей, полностью разрушается, точнее говоря, абсорбируется образом мучителя людей и животных, потому что сама «игра на скрипке» подается ей как еще один вид мучений окружающих.

Казалось бы, этим уже все сказано. Но этого мемуаристке показалось мало. Во второй редакции игра Петра на скрипке преподносится чуть ли не как преступление против человечности: «Он не знал ни одной ноты. Но имел отличный слух, и для него красота в музыке заключалась в силе и страстности («dans la force et violence»), с которой он извлекал звуки из своего инструмента. Те, кому приходилось его слушать, часто с охотой заткнули бы себе уши, если бы посмели, потому что он их терзал ужасно» («il les écorchait terriblement»⁹⁸). Это описание вызывает ассоциации с театральными выступлениями Нерона. Мемуаристка подчеркивает, что «этот образ жизни продолжался как на даче, так и в городе».

Великий князь мучил жену, даже когда она страдала от головной боли, нелепыми маскарадами в ее спальне. Он заставлял своих и ее слуг и дам рядиться, сам играл на скрипке, а они танцевали. Иногда и он пританцовывал. Зная, как именно он играл, можно догадаться, какова была эта музыка. Под предлогом головной боли или усталости Екатерина в маскарадном одеянии ложилась на канапе и изнывала от скуки, а Петр чрезвычайно потешался. Такие «веселья» продолжались до поздней ночи⁹⁹.

**«Joujoux d'enfants qu'il aimait à la folie»
«il aimait à la folie... joujoux d'enfants»**

Впрочем, выспаться Екатерине не удавалось еще и по другой причине. В Летнем дворце Петр в тайне от Елизаветы, когда приходил ложиться спать в комнате Екатерины, забавлялся на ее кровати игрой в куклы и другие детские забавы, которые он безумно любил («qu'il aimait à la folie»). Он занимался этим до часу или до двух ночи. А супруга волей-неволей должна была принимать в этом участие. Иногда она смеялась над этим. Но, «чаще это ее изводило и причиняло ей неудобства, потому что вся постель была покрыта и завалена этими куклами и игрушками, иногда довольно увесистыми»¹⁰⁰.

В первой редакции дважды упоминается об этой склонности великого князя. Однако здесь игры представлены короче: «до полуночи или часу ночи». А главное — ничего не говорится о том, что эти развлечения заставляли Екатерину мучиться. Сказано лишь о том, что муж ее немного бранил за то, что «она не принимала достаточного участия в этой приятной забаве»¹⁰¹. Но о мучениях Екатерины — ни слова. Понятно, в первой редакции Петр еще не такой мучитель собственной жены, каковым он выглядит во второй.

В этом позднем тексте Петр вынуждает жену вдыхать запахи псарни, потому что он тайно разместил свору собак за альковом ее спальни. Несмотря на жалобы жены, что она не может «спать в этой вони», Петр ничего не предпринял, чтобы изменить ситуации, иначе секрет мог бы раскрыться¹⁰². «Я переносила это неудобство, — жалуется мемуаристка, — не выдавая секрета его императорского высочества» («Je supportais cette incommodité sans trahir le secret de S.A.I.»)¹⁰³.

Возмутительно выглядит во второй редакции рассказ Екатерины о том, как муж заставлял ее есть устрицы, «так как в ночь на Пасху

надо было не спать, я легла в Великую субботу около пяти часов дня, чтобы поспать до того часу, как надо будет одеваться. Как только я легла, великий князь прибежал со всех ног сказать мне, чтобы я немедленно вставала и шла есть только что привезенные из Голштинии совсем свежие устрицы. Для него было большим и двойным праздником, когда они приходили; он их любил и вдобавок они были из Голштинии, его родины, к которой он имел особое пристрастие, но которой он не правил от этого и в которой он делал или его заставляли делать ужасные вещи. <...> Не встать значило бы разобидеть его и подвергнуться очень большой ссоре; итак, я встала и пошла к нему, хотя я была измучена исполнением всех обрядов говения в течение Страстной недели. Устрицы уже были поданы, когда я пришла к нему, я съела дюжину, после чего он позволил мне вернуться к себе, чтобы снова лечь, а сам остался доканчивать устрицы. Не есть слишком много устриц значило тоже угодить ему, потому что ему оставалось больше, а он был очень жаден до них. В двенадцать часов я встала и оделась, чтобы идти к пасхальной заутрене и обедне, но не могла оставаться до конца службы из-за сильных колик, которые со мною случились; не помню, чтобы когда-либо в жизни у меня были такие сильные боли; я вернулась к себе в комнату только с княгиней Гагариной, все мои люди были в церкви. Она помогла мне раздеться, лечь, послала за докторами, мне дали лекарство; я провела первые два дня праздника в постели»¹⁰⁴.

В первой редакции тоже есть рассказ о том, как Петр заставлял жену есть устрицы¹⁰⁵. Но там ничего не говорится о том, что пристрастие Петра к ним происходило прежде всего от того, что их привозили из Голштинии и в этом гастрономическом предпочтении выражалось пренебрежением всем русским. В том числе и пищей. Во второй редакции появляется новая обличительная деталь. Екатерина съела только дюжину устриц (ранее она писала о двадцати), потому что есть слишком много означало бы ему не угодить: ему осталось бы меньше, он же «был очень жаден до них». Ранее мемуаристка подробно и чересчур натуралистично описывала свои желудочные расстройства, которые чуть не свели ее в могилу. Теперь акцент делается на новой черте великого князя — жадности. Недаром, описывая происхождение своих долгов, мемуаристка сообщает, что одно из составляющих ее расходов была жадность Петра. «Великий князь также мне стоил много, — писала Екатерина, — потому что был жаден до подарков».

Это жадный, жестокий, эгоистичный человек, не выносивший слез и жалости, был к тому же еще и трусом. Описывая крушение дома А.Г. Разумовского в Гостилицах, мемуаристка акцентирует внимание читателя на том, что при первом известии об опасности великий князь не стал помогать спастись жене, а поспешил спасти себя: «Соскочил с постели, взял свой шлафрок и убежал». Когда Екатерину на руках вынесли из рушившегося дома на лужайку, она увидела, что там уже «был и великий князь в шлафроке»¹⁰⁶.

В первой редакции этот эпизод есть, но он рассказан немного по-иному. Когда об опасности сообщили полусонным супругам, Петр действовал как во сне. Он «одним прыжком очутился у двери». Когда же Екатерину вынес на руках сержант Левашев, «великий князь ни слова не вымолвил, он смотрел на зрелище, какое было у него перед глазами, ничем не выдавая произведенного на него впечатления; он был очень бледен и, казалось, не совсем еще проснулся»¹⁰⁷.

В первой редакции оцепенение, во второй — просто трусость.

Вторая редакция состоит из двух частей. Первая часть ее охватывает период от рождения Петра в 1728 г. до осени 1750 г. Первая редакция состоит из трех частей. Хронологически она почти совпадает с первой частью второй редакции. Только она начинается не с рождения Петра, на год позже — с появления на свет Екатерины. Подробно проследить, как изменилась трактовка того или иного образа в обеих редакциях, мы можем, только сравнивая три первых части первой редакции и первой части второй редакции. Вторую же часть второй редакции, доведенную автором до 1758 г., мы не можем сравнить с аналогичной частью первой редакции, потому что ее не существует. Сравнить же это этот объемистый текст (145 страниц типографского текста) с отрывком «Автобиографической записки» объемом 5 типографских страниц не имеет смысла.

Однако не может быть никакого сомнения в том, что образы заключительной части второй редакции пропитаны теми же тенденциями, которые наблюдаются в первой ее части. Из этого можно заключить, насколько было бы неправильно принимать все, что здесь говорится о Петре Федоровиче, за чистую монету. А именно так поступают почти все биографы Екатерины, начиная с В.А. Бильбасова. Можно не сомневаться в том, что наиболее «яркие» эпизоды, дискредитирующие великого князя, мемуаристка «вспомнила» именно тогда, когда работала над заключительной редакцией и воспроизвела их также «достоверно», как она эта делала, составляя первую часть.

1. См. подробно: Сафонов М.М. Завещание Екатерины II. СПб., 2002. С. 20 68.

2. Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1889. С. 1 72.

3. Там же. С. 73 142.

4. Там же. С. 143 194.

5. Там же. С. 169.

6. «Отзывы о Петре и вся история сватовства настолько явно тенденциозны, отмечала О.Е. Корнилович, что при составлении текста это должно броситься в глаза неопытному наблюдателю. Тут Екатерина прибегает к грубому приему сгущения красок. Если внимательно в них всмотреться, то можно уловить в предыдущих отзывах зародыши последующих. (см.: Корнилович О.Е. Записки императрицы Екатерины II // Внешний анализ текста. Томск, 1912. С. 20).

7. Там же. С. 443.

8. Там же. С. 456.

9. Факсимиле первой страницы второй редакции воспроизведено в суворинском издании между страницами 200 203. Из него видно, что вначале Екатерина хотела поставить себя на первое место, а мужа на второе. Однако она отказалась от этой идеи и поменяла заголовки местами, зачеркнув первоначальные надписи.

10. Корнилович О.Е. Записки императрицы Екатерины II // Внешний анализ текста.. С. 9.

11. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 207.

12. Там же. С. 205.

13. Mémoires. IV. С. 197.

14. Там же. С. 203, 204.

15. Там же. С. 205.

16. Там же. С. 204.

17. Там же. С. 205.

18. Записки, начатые 21 апреля 1771 года // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 17.

19. Там же. С. 469.

20. Mémoires. IV // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. Т. XII. СПб., 1907. С. 200.

21. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 207.

22. Там же. С. 230 231.

23. Там же. С. 241.

24. Там же.

25. Mémoires. IV. С. 200 201.

26. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 59.

27. Mémoires. IV. С. 231.

28. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 241.

29. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 209.
30. *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. II. С. 84–91.
31. Там же. С. 213.
32. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 44.
33. Там же. С. 45; *Mémoires commencés le 21 d'avril 1771.* С. 45.
34. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 45, 48, 50, 52, 55, 59, 68, 88.
35. Там же. С. 66.
36. Там же; *Mémoires commencés le 21 d'avril 1771.* С. 65.
37. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 213.
38. Там же. С. 214.
39. Там же. С. 218–219.
40. Там же. С. 238.
41. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 213.
42. Записки. С. 483.
43. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 64
44. *Mémoires commencés le 21 d'avril 1771.* С. 62.
45. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 224; *Mémoires.* IV. С. 216
46. *Mémoires.* IV. С. 217.
47. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 225.
48. *Mémoires.* IV. С. 224.
49. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 225; *Mémoires.* IV. С. 217.
50. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 233.
51. *Mémoires.* IV. С. 214.
52. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 66.
53. *Mémoires.* IV. С. 231.
54. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 241.
55. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 240–241.
56. Там же. С. 252.
57. Там же. С. 295.
58. Там же. С. 297.
59. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 184–185.
60. *Mémoires.* IV. С. 285.
61. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 297
62. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 185.
63. *Mémoires commencés le 21 d'avril 1771.* С. 179.
64. Там же. С. 228.
65. Там же. С. 219.
66. *Mémoires.* IV. С. 219–220.
67. *Mémoires.* IV. С. 231; Записки императрицы Екатерины Второй. С. 240–241.
68. *Mémoires.* IV. С. 237; Записки императрицы Екатерины Второй. С. 247.
69. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 250.
70. Там же. С. 89.

71. Mémoires. IV. С. 87.
72. Mémoires. IV. С. 200.
73. Mémoires. IV. С. 207 208.
74. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 234; Mémoires. IV. С. 225.
75. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 241; Mémoires. IV. С. 232.
76. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 242 243; Mémoires. IV. С. 232 233.
77. Mémoires. IV. С. 234; Записки императрицы Екатерины Второй. С. 244.
78. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 261 262;.. Mémoires. IV. С. 251 252.
79. Mémoires. IV.. С 252; Записки императрицы Екатерины Второй. С. 262.
80. Mémoires. IV.. С 250; Записки императрицы Екатерины Второй. С. 260.
81. Там же. С. 281.
82. Mémoires. IV. С. 270.
83. *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Т. II. С. 88.
84. Mémoires. IV. С. 269.
85. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 281.
86. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 144.
87. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 260.
88. Там же. С. 280 281.
89. Там же. С. 298.
90. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 254 255.
91. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 244 245.
92. Mémoires. IV. С. 250.
93. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 83.
94. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 84.
95. Там же. С. 8; Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 11.
96. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 142.
97. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 144.
98. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 260 261;.. Mémoires. IV. С. 250.
99. Там же.
100. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 251.
101. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 107.
102. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 262.
103. Mémoires. IV. С. 252.
104. Там же. С. 300.
105. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 185 186.
106. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 265 266.
107. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 123, 124.